

Галина Скворцова

День рождения Марии

Действующие лица:

Мария, 90 лет

Вера, 30 лет

Время действия: начало двухтысячных. Место действия: городская квартира сталинской постройки

На сцене – комната, освещенная мягким светом множества бумажных китайских фонариков. Под этим обволакивающим светом комната кажется необычной, экзотической. Впечатление необычности усиливают смутные видения – горящий куст терновника в окне, портреты людей в старинных одеждах, высокие длинноногие птицы и ветки цветущей вишни на свитках...

Внезапно включенный электрический свет преобразует видение в действительность. Под беспощадным, голым светом «лампочки Ильича» на длинном красном шнуре – бедно обставленная комната. Посредине комнаты – большой прямоугольный стол со старым «вольтеровским» креслом в центре и несколькими стульями по бокам. На столе все, что нужно для жизни: портативный приемник, проигрыватель, коробка с пластинками, будильник, лекарства, чайная посуда, салфетки, конфеты, печенье, графин с вином...

Слева у стены – узкая железная кровать под серым «солдатским» одеялом. Над кроватью – «восточные» акварели и портреты мужчин и женщин в костюмах начала XX века. Справа – две двери: на кухню и в прихожую. Место между правым углом и кухонным проемом занимают книжные полки и часы-кукушка.

На стене-заднике – два окна; в «красном» углу – бумажная икона Божьей матери «Неопалимая купина» и цветной рисунок осеннего листа в безбрежном небесном хаосе. Под ними на тумбочке черно-белый телевизор. Рядом – мольберт с начатой картиной, на которой изображены мужчина с автоматом и собакой и испуганная женщина с поднятыми руками.

По телевизору идет концерт «Забытые мелодии». Звучит песня «Летят перелетные птицы...».

Из-за кухонной двери появляется старая женщина в вязаной кофте и стеганой безрукавке. Это Мария. Левой рукой она опирается на костыль, в правой – выдавший виды алюминиевый чайник. Мария ставит чайник на стол, выключает телевизор, начинает сервировать стол*.

МАРИЯ. Маме... Папе... Тетушке... Саше... (*Смотрит на портрет молодого человека.*) Ну что, Сашенька, ты уже простил меня? Я-то тебя давно простила. Хотя не скрою, это было очень трудно. Я ведь приехала к тебе не с курорта, а оттуда, куда Макар телят не гонял. Думала, скажешь: «оставайся». Но ты не сказал... Да что теперь вспоминать. Мне завтра... Нет, уже сегодня исполнится девяносто (*К портретам.*) Ну что, дорогие мои, за стол! Кажется, это мой последний день рождения. Нет-нет, я не паникую. На днях у меня была хирург. Сказала, что начинается гангрена, нужна срочно операция. Но какая в моем возрасте операция... (*Портретам.*) Да, наверное, и вы меня заждались. А не хочется! Если бы вы знали, как не хочется! Оболочка износилась... А душа... В душе я та же десятилетняя девочка, которая хочет всё видеть, знать... Что

---

* Наличие стены-задника – экрана (ноутбука) позволит в режиме реального времени воспроизводить обстановку комнаты. Зритель сможет разглядеть в деталях быт квартиры, напоминающий о бараке, общежитии и аскезе первых строителей социализма; красный шнур «лампочки Ильича»; «неопалимую купину» и т.д. Экран позволит воспроизвести и китайский театр теней, благодаря которому оживут события давних лет из жизни Марии.

будет дальше? Каким будет мир? Какими будем мы, люди?.. А что, если в самом деле льды Антарктиды растают? Бедные, бедные Нидерланды! Говорят, их первыми затопит... Ну не будем о грустном. Сейчас налью чайку, наливочки и станем пировать.

Внезапно внимание Марии что-то отвлекает. Она прислушивается. Кто-то быстро поднимается по лестнице, почти бежит. Около квартиры Марии шаги замирают, и тотчас раздается тревожная трель звонка.

МАРИЯ. Кого это бог принес... Да хорошо, если бог (*Портретам.*) Вы напрасно беспокоитесь. Я хорошо забаррикадировалась.

Трель повторяется несколько раз подряд. Она звучит как SOS. Мария направляется в прихожую, включает свет.

МАРИЯ. Кто та-ам?

ВЕРА. Это я! Я! Вера Соколова.

МАРИЯ. Сейчас... Сейчас... Подождите... Одну минутку... (*Торопясь, разбирает придверную «систему охраны», состоящую из стула, скамеечки и пары почтовых фанерных ящичков. Один из ящичков падает женщине на больную ногу. Она морщится, замирает, но всего на какое-то мгновение.*) Верочка! Вы меня слышите? Я уже открываю...

Делает несколько поворотов ключом, убирает задвижку, снимает цепочку, выпускает молодую, чрезвычайно взволнованную женщину.

МАРИЯ. Вот так сюрприз! Ну проходите, проходите! Только не зацепитесь за ящик... (*Закрывает дверь в той же последовательности: ключ, задвижка, цепочка.*) Я тут целую крепость возвела... Думала, уже никто не придет... Бонжур ма шер (*Целует Леру.*) Да на вас лица нет. Что с вами?

ВЕРА. Там... (*Показывает на дверь.*) Собаки.

МАРИЯ. Какие еще собаки?

ВЕРА. Они бросались на меня... Хотели укусить... И никто, ни один человек... Слава богу, рядом был ваш дом. Я еле успела добежать до подъезда.

МАРИЯ. Бедная девочка! Ну снимайте, снимайте пальто!

ВЕРА (*проходит в комнату, бросает сумку и пальто на стул*). Это были очень большие собаки. Они никого и ничего не боялись. Наоборот, их боялись! Люди переходили на другую сторону... А ведь они могли меня загрызть... Они лезли прямо в лицо.

Застывает, увидев мольберт с начатой картиной, на которой изображены мужчина с автоматом и сторожевой собакой и перед ними испуганная женщина с поднятыми руками.

МАРИЯ. Собакам нельзя показывать, что боишься. Нужно смотреть им прямо в глаза.

ВЕРА (*показывает на мольберт*). Что это?

МАРИЯ. Да так, один этюд... (*Подходит к мольберту, закрывает картину тканью.*)

ВЕРА (*быстрыми шагами проходит к окну, распахивает занавеску.*) Вот же они! Вот! Белая и черная. Они ждут меня.

МАРИЯ (*смотрит в окно*). Да, великоваты для дворян. Но это всего лишь собаки: постоят, постоят – и уйдут. Вы лучше полюбуйтесь моей неопалимой купиной.

ВЕРА. Какой еще купиной?

МАРИЯ. Видите, как полыхает! И так каждую ночь – горит, не сгорая.

ВЕРА. Обыкновенный куст. Эффект огня – от подсветки уличным фонарем.

МАРИЯ. А я каждый вечер смотрю на него, а если сна нет, – то и до утра. Вспоминаю детство, рассказы няни о божественном... Как увидел Моисей пламя, охватившее куст, и как явился ему в горящем терновнике Бог... Няня говорила, что Бог воссиял не от небесных звезд, а от обычного земного куста (*Задерживает шторы, направляется к столу*). Что-то ноги совсем не держат... Устали, бедняжки... Столько им пришлось потопать за свою жизнь... Давайте, деточка, за стол... Терпеть не могу одна пить чай... Сегодня, вот, тоже назвала гостей... Нет-нет... Это не то, что вы думаете. Эти гости – здесь (*Показывает на портреты*.) Так что присоединяйтесь.

Проходят к столу, садятся.

ВЕРА (*снимает шляпку*). ...почему они бросились именно на меня? Кругом было много других людей.

МАРИЯ. Вы красивы, от вас пахнет французскими духами. А ваша шляпка... Уверена, такого фасона больше нет в городе (*Изучающе смотрит на Веру*.) Вы, кажется, изменили свою цветовую гамму?

ВЕРА. И как вам?

МАРИЯ. Бордовый вам очень к лицу.

ВЕРА. А мама говорит, бежевый лучше.

МАРИЯ. Вам, деточка, все идет. Ах, как я люблю, когда женщина красиво одета. В ваши годы я тоже красиво одевалась. Тогдашняя мода очень похожа на нынешнюю. У меня была шляпка «маленькая мама», короткая, до колена, юбка, длинный жакет с накладными плечиками... И зубы мы чистили, как и вы, пастой «Колгейт».

ВЕРА. ...но неужели только из-за этого?

МАРИЯ. Вы о чем деточка?

ВЕРА. Нежели из-за какой-то шляпки, из-за каких-то духов скоро не выйти на улицу. У меня такое чувство, что собаки в нашем городе берут верх.

МАРИЯ. Да, деточка, бывают времена, когда собаки, даже служебные, становятся неуправляемыми. На моих глазах застрелили одну такую собаку. Она была как заговоренная и после каждого выстрела бросалась с новой силой. Охранник, наверно, всю обойму в нее выпустил.

ВЕРА. Кошмар!

МАРИЯ. Вот вам тарелочка, пакетик чая... И салфетку возьмите... Салфетку непременно. Этикет нарушать не будем. Теперь зажжем свечу, как в старые добрые времена (*Зажигает свечу*.)

ВЕРА. Вы так поздно пьете чай?

МАРИЯ. Я же известная полуночница. Сова!

ВЕРА (*достает из сумки плитку шоколада, разламывает на дольки, кладет на тарелку*) Ваш любимый, горький... Фабрика Крупской.

МАРИЯ. Спасибо, деточка, что не забыли (*Берет со стола чайник. Вера хочет ей помочь*.) Нет-нет, это привилегия хозяйки (*Разливает кипяток*.) Лимончик положить?

ВЕРА. Нет, ни люблю кислого.

МАРИЯ. А я так без лимончика не могу. Горло сохнет. Это у всех учителей. У всех, кто много говорит. А я тридцать лет рассказывала ребятам про Айвазовского, Серова, Нестерова...

ВЕРА. Надеюсь, я не очень нарушила ваши планы?

МАРИЯ. Планы? Ну какие могут быть планы в моем возрасте? Разве что план на бессонницу. Но он у меня е давно перевыполнен.

ВЕРА. Все-таки жаль, что у вас нет без телефона. Я могла бы предупредить.

МАРИЯ. А по мне – очень даже хорошо. Иначе все бы разговаривали только по телефону или по этим, вот, вашим мобильникам. А так, нет-нет да и заглянет кто-нибудь на огонек. Я из-за нее (*Показывает на больную ногу.*) уже лет десять как невыездная, то есть не-выходная.

Звонит мобильник.

ВЕРА. Алло! (*Слушает.*) Да ничего не случилось. После фламенко зашла к матушке Марии (*Слушает.*) Да, не собиралась, но так получилось... Что делаем? Пьем чай, разговариваем (*Слушает.*) Н-не знаю. Не уверена. У меня вообще мысли о другом (*Слушает. Марии.*) Вам от мамы привет.

МАРИЯ. И от меня... От меня – тоже.

ВЕРА. Тебе – тоже привет. Ну все. Пока (*Выключает мобильник.*)

МАРИЯ. Как поживаете, Верочка? Мы ведь с вами давненько не виделись. Правда, мама ваша, когда заходит, всегда передает от вас приветы.

ВЕРА. Да в общем одно и то же. Работа – дом, дом – работа. На работе – компьютер, дома – компьютер. Мама говорит, что я скоро придатком компьютера стану.

МАРИЯ. Мой сосед Мишенька... Очень-очень симпатичный молодой человек. Прекрасно разбирается в поэзии, в философии... Так вот Мишенька говорит, что за компьютером больше трех часов проводить нельзя.

ВЕРА. У меня хорошая защита.

МАРИЯ. Защита?!

ВЕРА. Да, защита. От излучения.

МАРИЯ. Нет, мне этого не понять. Все настолько изменилось... Пожалуйста, подайте мне сахар, поухаживайте за старенькой бабушкой... Нет, уже прабабушкой (*Смеется.*) У-у-у... какая я древняя... Пора бы и на покой... А я, вот, все еще живу... И мне все еще интересно знать, почему молодые, красивые женщины теперь не посещают балы, не встречаются с кавалерами, а проводят время с каким-то компьютером.

ВЕРА. Ну почему не посещают. Посещаем. Вчера, например, была в элитном джазовом клубе. Сегодня на фламенко.

МАРИЯ. Любите танцевать?

ВЕРА. Обожаю.

МАРИЯ. А знаете, что мне не нравится в танцах нынешних молодых? Я их иногда по телевизору смотрю... У них слишком частые касания. А может быть одно касание, всего одно – и на всю жизнь (*Оживленно.*) Был такой модный танец – джиттербаг. В переводе – возбужденные жуки. Очень грубый танец. У меня не получалось. Но однажды я увидела, как танцуют его американский матрос и китайка... О-о-о! Это надо было видеть!

С улицы доносится лай собак.

ВЕРА (*кидается к окну*). Их нужно отстреливать! Как раньше! Тогда бы они поджали хвосты.

МАРИЯ. Дочка! Успокойтесь... Я вам корвалольчику... *(Капает из пузырька в стакан.)* Пожалуйста, выпейте.

Вера подходит к столу, пьет лекарство.

ВЕРА. ...они теперь по всему городу собираются в стаи... На прошлой неделе одного маленького мальчика чуть не загрызли... Об этом даже в газетах писали... Они не похожи на дворняг... Вы же сами видели... Какая-то новая порода.

МАРИЯ. Нужно быть осторожнее. Заранее быть готовой.

ВЕРА. Заранее?! Разве к *этому* можно быть готовой заранее?

МАРИЯ. Не знаю, как вам объяснить... Я в таких случаях начинаю разговаривать. Ласково, дружески... И они успокаиваются.

ВЕРА. Этих не успокоить. Они слишком агрессивны.

МАРИЯ. Ко мне прошлой ночью приходили гости. Очень настойчивые. Даже хотели сами открыть дверь. Ну я и стала рассказывать им о себе. Что я художница, богатства у меня никакого. А если им нужны мои картины, то могу подарить, пусть только приходят днем.

ВЕРА. И они, значит, поверили?

МАРИЯ. Совершенно поверили. Я слышала их шаги, когда они спустились вниз. Не дерзкие и громкие, как вначале, а тихие, я бы даже сказала, – уважительные.

ВЕРА. Прямо рождественская история. А я, если возвращаюсь поздно домой, шарахаюсь от каждого встречного, тем более – попутного. И как вы прикажете мне быть «готовой»? Купить газовый пистолет? Но я не смогу выстрелить. Даже вот в этих собак за окном не смогу. Мама и бабушка меня этому не научили.

МАРИЯ. Мишенька считает, что дурное перерождение животных – вина человека. И всем нам нужно покаяться перед животными.

ВЕРА. Я не чувствую своей вины. И вообще я люблю животных. У меня в детстве крыска была, черепаха, попугай... Даже какое-то время вороненок жил.

МАРИЯ. ...Однажды Мишенька пришел ко мне в гости. Мы вот так же, как сейчас с вами, пили чай, беседовали. И вдруг он говорит: «Послушайте, как кричат муравьи!»

ВЕРА. Муравьи? У вас?

МАРИЯ. У меня, дочка, у меня: и мураши, и комарики, и жучки-паучки... Всем места хватает. Моя помощница... ну та, что из социалки... уже в который раз собирается почистить углы на кухне, но я ей не даю. Терпеть не могу революционных преобразований.

ВЕРА. И вы... слышали, как они кричат?

МАРИЯ. Конечно же, нет. Это только Мишеньке доступно. Потому что он буддист.

Звонит мобильник.

ВЕРА *(в трубку)*. Ну что еще? *(Слушает.)* Да ничем я не расстроена, обычный голос. *(Слушает.)* Мама, все хорошо, только не надо педалировать *(Слушает.)* Поговорим об этом дома *(Выключает мобильник.)*

МАРИЯ. Беспокоится?

ВЕРА. Беспокоится *(Достает из сумки косметичку, красит губы.)*

МАРИЯ. Дочка, вы ничего не попробовали. Сухарики, печеньице... Все свежайшее... Мне помощница вчера их только принесла.

ВЕРА. Вы довольны ею?

МАРИЯ. Очень-очень довольна. Вежливая, внимательная. У ней таких старушек, как я, целых двенадцать. Она бы и рада поговорить, да времени нет.

ВЕРА (*встает*). К сожалению, мне тоже пора.

МАРИЯ. Жаль. Я хотела спросить вас про джазовый клуб.

ВЕРА (*надевает шляпку, пальто*). Клуб как клуб, ничего особенного. Уютно, удобно. Еда вкусная.

МАРИЯ. Что же там элитного?

ВЕРА. Официанты. Вышколены по первому классу.

МАРИЯ. Позвольте полюбопытствовать: вы были одна или с молодым человеком?

ВЕРА. В этот клуб женщины одни не ходят.

МАРИЯ. Ну и слава богу. А то ваша мама так переживает...

ВЕРА. У нее просто идея-фикс выдать меня замуж. За какого-нибудь товарища с положением.

МАРИЯ. Семья – великая сила. Когда я жила с тетушкой, то чувствовала себя под такой защитой... Не хуже, чем у вашего компьютера (*Трогает чайник.*) А может, выпьем еще по чашечке... Я подогрею.

ВЕРА. Нет-нет, завтра у меня тяжелый день. Я теперь на двух работах.

МАРИЯ. Мама ваша говорила, что вы много работаете.

ВЕРА. Ничего не поделаешь, нужно поддерживать статус.

МАРИЯ. Статус?

ВЕРА (*показывает на шляпку*). Знаете, сколько стоит эта шляпка? Пять тысяч. А перчатки? Шарф? Да и все остальное... Как говорят англичане: нет плохой погоды, а есть плохая одежда. Ну я пошла?

МАРИЯ. Час добрый, деточка (*Высыпает из вазочки конфеты.*) Возьмите конфеток. Я знаю, ваша мама любит эти карамельки. Ах, как я вам завидую! У вас есть человек, который думает о вас, переживает...

ВЕРА (*кладет конфеты в сумку*). Даже слишком.

МАРИЯ. Любовь всегда слишком.

Вера подходит к окну.

МАРИЯ. Ушли?

ВЕРА. Нет, стоят. Смотрят на ваше окно (*Достает мобильник, набирает номер*). Привет, Дим. Это я. Тут такая ситуация... Короче, ты не мог бы приехать за мной? (*Слушает.*) Ну конечно, после ванны нельзя. Еще простудишься (*Слушает.*) Нет-нет, все нормально. Пока (*Марии.*) Ничего, сейчас такси вызову (*Набирает номер такси.*) Занято (*Смотрит в окно.*)

МАРИЯ. Послушайте, деточка... А что... если вы немного задержитесь? Через сорок минут мне исполнится девяносто лет. Мы могли бы вместе отметить мой день рождения.

ВЕРА. Точно! Завтра же седьмое ноября. Мы в этот день всегда собирались у вас... пока жива была бабушка... Ну, конечно, я останусь. «День седьмого ноября, красный день календаря...» (*Снимает пальто, шляпку, садится за стол.*)

МАРИЯ. Да уж, великая дата... Нет, вовсе не потому, что мой день рождения. Седьмого ноября, восемьдесят пять лет назад папа, мама, я и мой брат покинули родину (*Декламирует.*)

Да, детство кончилось.
И елке в Рождество
Уж не бывать.
И ничего не будет.
И взрослых мир и детства естество –
Все смешано в одной нелепой груде.
Ни жалоб, ни капризов больше нет,
А если будут слезы – то украдкой.
И будет первых вдохновений след
В заветной, скрытой
ото всех тетрадке...¹

ВЕРА. Вы так рано стали сочинять стихи?

МАРИЯ. Это написано по воспоминаниям. Я ведь всё, что было, вижу и сейчас как наяву. Если бы случилось такое чудо и я стала снимать фильмы, я бы показала, как огонь постепенно захватывает все русское пространство... Сплошная неопалимая купина, из которой что-то должно родиться... «По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой девятнадцатый год...» ...Шел, сметая все старое на своем пути... И в этом вихре неслись люди... Мы не делали этот вихрь, но так нам было уготовано судьбой – получить уроки жизни за границей, в изгнании.

ВЕРА. Извините. А можно я прочитаю вам свое стихотворение?

МАРИЯ. Ну конечно, деточка. Буду рада.

ВЕРА (*читает*).

Мама, ответь, мы там счастливы были...

Шесть пятилеток назад?

Бедные дети великой и сильной

Родины. А за глаза –

Просто совки, пионерское племя,

Внуки в семье Ильича.

Мы же не знали, что проклято время,

Нас породившее. Час

Пробил в отчаянном горьком надрыве...

Нищие духом в мечтах,

Мама, ответь, мы там счастливы были –

В нашем потерянном «там»?

Счастливы? Нет? Ну, пожалуйста, мама!

Будни рабочих суббот,

Яблоки в руки по полкилограмма,

Очередь, черный народ

В три оборота за мылом и чаем

С ночи стояли когда...

Мама, ответь, мы *там* счастливы были...

---

¹ Здесь и далее стихи поэтессы восточной эмиграции М.А. Поповой (1910 – 2002), подаренные автору 7 ноября 2000 г. за праздничным ужином. – Г.А.

В нашем потерянном «там»?²

МАРИЯ. Мне ваша мама не говорила, что вы пишете стихи.

ВЕРА. Было бы о чем. У меня всего одно это стихотворение. Под настроение написалось.

МАРИЯ. Ну ничего, напишете еще. Какие ваши годы.

ВЕРА. Вам не понравилось?

МАРИЯ. Нет, отчего же... Стихотворение хорошее, современное... А я, знаете, что читаю по ночам, когда бессонница... «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том, и днем, и ночью кот ученый, все ходит по цепи кругом...» *(Встает.)* Пойду чайник подогрею *(Уходит с чайником на кухню.)*

Звонит мобильник.

ВЕРА *(берет трубку)*. Слушаю... Нет, я остаюсь. Ей через сорок минут исполнится девяносто... Ничего страшного, завтра навестишь старушку *(Слушает.)* Мама, она же законченная идеалистка. Верит во всеобщее человеческо-животное братство... Она нас просто не поймет *(Замечает в дверном проеме Марию.)* Ну ладно, пока *(Выключает мобильник, бросается к Марии, берет у нее чайник.)* Я у мамы спрашивала, помнит ли она, когда вы появились в нашем городе. Она не помнит.

МАРИЯ *(проходит к столу, садится)*. Еще бы! Вашей маме в пятьдесят седьмом было всего пять лет, что она может помнить. Она приходила ко мне со своей мамой, вашей бабушкой. Мы тогда организовали что-то вроде хора русских старух. Собирались раз в неделю – попеть.

ВЕРА. Извините, можно сахар?

МАРИЯ. Пожалуйста, деточка *(Подает сахар.)* И печенье... сухарики возьмите. Все свежайшее. Мне моя помощница только вчера принесла.

ВЕРА *(оглядывает стол)*. А кто вам готовит? Помощница?

МАРИЯ. Зачем же? Сама. Зальешь кипятком пакетик – вот тебе и первое, и второе.

ВЕРА *(роется в сумке)*. Мне сегодня дали отличный рецепт... И просто, и полезно *(Достает рецепт, читает.)* Нарезать в кастрюлю лук, картошку, морковь, полить подсолнечным маслом, пассеровать пять минут...

МАРИЯ. Спасибо, деточка, спасибо. Только кулинарка из меня никакая. Мне ваша мама приносила много разных продуктов от Красного креста... Так я их соседям отдавала. И вещи – тоже. У них большая семья, но им почему-то никто ничего не приносит.

ВЕРА. Этот Красный крест находится в очень неудобном месте – целый километр пешком до остановки. Туда и обратно – два километра. А если еще с тяжелой сумкой... Вы, наверное, знаете, что мама там работает бесплатно, волонтером. Как вышла на пенсию, так с головой ушла в благотворительность.

МАРИЯ. У них что же, машины нет?

ВЕРА. Есть, но не для всех. Волонтеры обычно своим ходом.

МАРИЯ. Н-да... *(Напевает.)* «Не уезжай ты, мой голубчик, печально жить мне без тебя...» Помните? Мы с вашей бабушкой поем, а вы нам подпеваете.

ВЕРА. «Дай на прощанье обещанье, что не забудешь ты меня...»

---

² Стихотворение Яны Жемойтелите

ВМЕСТЕ: «... Скажи ты мне, скажи ты мне, что любишь меня, что любишь меня...»

МАРИЯ. Не-е-ет, хор наш не умрет. Мы уйдем, вы будете петь (*Напевает.*) «Я волнуюсь, заслышав французскую речь, вспоминаю далекие годы...»

ВЕРА. «...Я с французом дружил, не забыть этих встреч...» Мама говорила, что ваши подруги по Шанхаю прекрасно проживают в Сингапуре, Австралии, Америке, Париже...

МАРИЯ. Проживали, деточка, проживали. Теперь уж никого нет. Все – там.

ВЕРА. Как бы я хотела сейчас оказаться в Париже. Все залито светом... Все тебе улыбаются... И никаких собак... Если только на поводке.

МАРИЯ. Ну, деточка, побываете еще в Париже. Теперь у нас свобода. Можно хоть на край света.

ВЕРА. «Свобода...» Да я даже выйти из подъезда не могу при этой свободе. Того и гляди загрызут. Если кто у нас и свободен, так это псы. Им закон не писан. (*Страстно.*) В Париж! В Париж! В Париж!

МАРИЯ. Теперь почему-то все рвутся в Париж. А раньше – в Москву. Когда-то и я любила навещать нашу столицу. Специально приезжала – походить по Третьяковке, посмотреть новый спектакль...

ВЕРА. А мы с мамой ездили в Москву – приодеться. Тогда же все было в дефиците. Как вспомню эти очереди... Жуть!

МАРИЯ. Интересно, что нынче идет в театрах?

ВЕРА. Я не люблю театр. Его мне и в жизни хватает.

МАРИЯ. Ну конечно, деточка: вы же любите танец. И, знаете, я соглашусь с вами – танец сильнее. Вы не могли бы... Ну хотя бы чуть-чуть... фламенко.

ВЕРА. Здесь?!

МАРИЯ. К сожалению, ничего другого предложить не могу.

ВЕРА. Хорошо. Пойду переоденусь. Только предупреждаю – у меня свое фламенко (*Берет сумку, уходит.*)

МАРИЯ (*портретам*). Как видите, не все у меня так уж плохо... Даже концерт по заявкам... Правда, эти собаки... (*Пауза.*) Хочу их полюбить и не могу... Мешает та, что бросалась на меня.

Появляется Вера. Она – в туфельках, русском платке, повязанном по бедрам, с кастаньетами.
Мария аплодирует.

МАРИЯ. Эти туфельки специально для фламенко?

ВЕРА (*выставляя ногу*). Они самые. Из Испании привезли. На вид грубоваты, а танцевать – одно удовольствие.

МАРИЯ. У меня пластинка с испанской музыкой есть. Мне ее подарили еще в Шанхае (*Ставит пластинку.*)

ВЕРА (*щелкает кастаньетами*). Ола! (*Танцует, но ее танец мало похож на классическое фламенко. Скорее, это импровизация «на тему». Наконец, запыхавшись, останавливается у окна.*)

МАРИЯ (*аплодирует*). Bravo! Брависсимо!

ВЕРА. Слышите? Они теперь воют. Уж лучше бы лаяли. В народе говорят, что собаки воют...

МАРИЯ (*перебивает*). Ну и пусть себе воют, А мы будем петь, пить и танцевать... Я вот о чем хотела спросить... Не кажется ли вам, что фламенко, как и танго – это танец одиночества. В сущности вы танцуете сама с собой.

ВЕРА. Я ни о чем таком не думаю. Просто танцую – и все.

МАРИЯ. А я где-то прочитала, что мир раскололся надвое, когда стали танцевать танго (*Оживляется.*) Но русские не танцевали танго. Русские – все больше хороводы... где-нибудь на лугу (*«Танцует» руками хоровод.*) Хоровод – это непрерывность движения, а в танго и в фламенко есть моменты замирания.

ВЕРА. Ваш хор – тоже от хоровода?

МАРИЯ. От него, деточка, от него. Вы только подумайте – наши в лаптях прошагали от Балтики до Тихого океана! Ну кто еще такое мог! Американцы? Ох, Господи, прости меня грешную! Американцы... они с шоколадками в карманах воевали. Не надо, конечно, осуждать... У них история совсем другая.

ВЕРА (*накидывает платок*). Холодно у вас.

МАРИЯ. Да, батареи еле теплые. Слесарь говорит, что вся система проржавела. Дом-то еще при Сталине построили.

ВЕРА (*в сторону*). Бедные муравьи.

МАРИЯ. Что вы сказали?

ВЕРА. Кажется, я тоже услышала, как кричат муравьи.

МАРИЯ. Надо обязательно вас с Мишенькой познакомить.

Звонит мобильник.

ВЕРА. Привет! (*Слушает.*) Нет, не замерзли. Греемся чаем и танцами. Я только что показывала матушке Марии фламенко. Она сказала, что это танец одиночества... (*Слушает.*) Ты как всегда права... Хорошо, передам (*Выключает мобильник. Марии.*) У мамы идея возникла – не переехать ли вам к нам. Говорит, вместе будет теплее и веселее.

МАРИЯ. Спасибо, деточка. Но в моем возрасте лучше не трогаться с места. А то рассыплюсь вся. Давайте подолью горяченького (*Наливает кипятку.*) Меня в последнее время интересует интернет. Мишенька говорил, что в интернете каждый может общаться со всем миром и каждый может быть услышан. Вы общаетесь?

ВЕРА. Это иллюзия. Каждый слышит только себя.

МАРИЯ. Возможно, вы и правы. Только я давно уже поняла, что каждый из нас всего лишь маленькая клеточка, и если эта клеточка начинает чересчур разрастаться, то она превращается в раковую.

ВЕРА. Тогда у нас настоящий рассадник раковых. Скоро они сожрут всех ваших комариков.

МАРИЯ. Ну комарики им не по зубам. Комарики... они вечные. Будьте добры, Верочка... Налейте вина. Я хочу выпить за вас. За нашу красивую, талантливую, добрую девочку, которую я знаю вот с таких пор... (*Показывает рукой.*)

ВЕРА. Почему за меня? День рождения-то ваш.

МАРИЯ. А он еще не наступил! Вот как наступит, так и выпьем за меня. А пока – за вас! Хлеб наш насущный даждь нам днесь... И любви даждь нам днесь... И счастья...

Чокаются, выпивают.

ВЕРА. Должна вам признаться, что не такая уж я и хорошая. Если послушать мою маму, то живу я без всякой цели... куда вынесет. Вот как этот ваш одинокий листик на стене (*Подходит к картине, разглядывает*). Красиво. Особенно это свечение... Словно изнутри.

МАРИЯ. Знали бы вы, сколько я с этим свечением намучилась. Только к концу жизни узнала, что небо – самое трудное для художника.

ВЕРА. А почему вы выбрали такой сюжет?

МАРИЯ. Это не я выбирала, он меня выбрал. Вообще-то вначале было слово. Как-то ночью не спала и вдруг пошли строчки... (*Читает.*)

Алеет клен у старого колодца
Над лоном холодеющей земли.
В выси небесной тихо раздаётся
Печальный звон: несутся журавли.

Они летят в далекие края.
На юг, к теплу поспешно улетают.
Я взором их тревожно провожаю,
Туда за ними улечу и я.

Как горестно прощание с мечтой!
И, может быть, в минуту расставанья
Из сердца вырвется вот также крик страданья.
Так журавли кричали над землей.

А день так чист! Так чисты,
ярки краски!
Осенний воздух сух и золотист.
Корабликом из светлой-светлой
сказки
летит к земле сухой
осенний лист...

ВЕРА. Но у вас он летит к небу.

МАРИЯ. Сие уже не зависело от меня. Давайте, я вам еще кипяточку подолью (*Подливает.*) Представляете, Верочка, в этом году я впервые за шестьдесят лет не голосовала. Забыли меня, бедненькую. Но ничего не поделаешь – пора и честь знать.

ВЕРА. Ну зачем вы так? Вы очень хорошо выглядите. У вас на голове ни одного седого волоска. А я уже вся седая, три года как крашусь.

МАРИЯ. Это потому, деточка, что вы все время с компьютером, а я все время пела и плясала. Если бы не плясала, то, может, и не сидела бы сейчас с вами.

ВЕРА. Вы раньше об этом не рассказывали.

МАРИЯ. О-о, деточка, я много чего не рассказывала. Но сегодня особый день. Сегодня можно (*Ставит пластинку на проигрыватель.*)

«Лампочка Ильича» гаснет. В туманном свете китайских фонариков – танцующие люди-тени под песню Вертинского «Дансинг-герл» в исполнении Ирины Богусhevской. Вера

прислушивается, мелодия ее захватывает, она выходит из-за стола, начинает танцевать. Затем возвращается за стол.

ВЕРА. ...Недавно с мамой на концерте Погудина были. Это очень модный сейчас певец... Мама по нему с ума сходит. Он много пел Вертинского.

МАРИЯ. А я видела Вертинского вот так же близко, как вас сейчас. Он первым написал о судьбе русских девушек – «дансинг-герл», платных партнершах для танцев. Многие из них выросли в добропорядочных, богобоязненных семьях, готовились к иной жизни... Но выбора не было. Точнее выбор был один: либо выжить, либо умереть (*Читает.*)

В зале пусто. Слишком еще рано.
Нет гостей. Свободны все пока.
В баре тихо звякнули стаканом,
Клавиши потрогала рука.
Джаз молчит. В окно прохладой веет,
Дым от сигареты – в потолок.
По углам за столиками – феи,
И у каждой кроткий огонек...

...у меня там не было паспорта. Всего лишь удостоверение – «формеррашен» – «бывший русский». Хочешь умирай – хочешь побеждай... А если у тебя на руках тяжело больная мать и двое безработных – отец и брат... Тогда остается одно – «Я должна...» (*Читает.*)

Ночь была темна и холодна.
Ночь петлей заржавленной скрипела...
Нет, никто не видел, как хотела
Формеррашен ЖИТЬ,
Как бой вела одна
С ночью, с холодом и с мертвой пустотой...

...Моя молодость на девяносто процентов состояла из долга и только на оставшиеся десять – «я хочу». Да и остальная жизнь – тоже.

ВЕРА. А сейчас вы в это верите?

МАРИЯ. Во что, деточка?

ВЕРА (*выразительно оглядывает комнату, аскетичный «интерьер»*). Ну... в то, что надо было приносить себя в жертву?

МАРИЯ (*молчит*).

ВЕРА. Простите. Я не хотела.

МАРИЯ. Ничего-ничего, ма шер... В вашем возрасте это естественно. Почти сто лет прожила, а добра не нажила... Ни детей, ни внуков. Одни картины (*Кивает на стену.*) Вон сколько написала. Остальные в кладовке. И куда их теперь?

ВЕРА. Оставьте тому, кому завещаете квартиру.

МАРИЯ. Я не могу завещать, она государственная.

ВЕРА. Так вы до сих пор не оформили в собственность?

МАРИЯ. Мне, деточка, уже не надо никакой собственности. Зачем она мне?

ВЕРА. Ну... вы могли бы подарить кому-то, кто будет заботиться о вас.

МАРИЯ. Государство давало, государство пусть и забирает.

ВЕРА. Государство?! Да оно же всю жизнь гнобило вас. Мама говорила, что у вас сто выставок было, иностранцы покупали ваши работы, но вы почему-то за них ничего

не получали. И где она, ваша свобода? Вы по-прежнему взаперти. Ни коляски, ни пандусов... А ведь все это у вас может быть... Но только не от государства.

МАРИЯ. Поздно, деточка, поздно. Каждый платит за свое.

ВЕРА. Вам-то за что платить?

МАРИЯ. О-о, деточка! Когда вам исполнится девяносто и вы будете перелистывать свою жизнь как книгу, вы увидите столько всего... неоплаченного. Как говорит Мишенька, каждый из нас отработывает свою карму.

На заднике-экране – *китайский театр теней*: тень барака сталинских времен; тени женщин, поющих «Летят перелетные птицы» и репетирующих китайский танец.

На этом фоне – рассказ Марии.

МАРИЯ. ...Меня привезли в барак вечером после очередного допроса. А допросы... О-о! Это надо было выдержать... И вот вхожу я... Да не вхожу – вползаю... голодная, озлобленная, ненавидящая всех этих людей, которые хотели сломить меня... И первое, что слышу, – песню про каких-то перелетных птиц. Поют такие же, как я, женщины-заключенные... Зрелище было фантастическое. Но самое фантастическое то, что уже на следующий день я с удовольствием в нем участвовала. И не как-нибудь скромненько, а с китайским танцем. Хотелось, говоря по-современному, выпендриться. Как-то поднять настроение заключенным (*Смотрит на Веру.*) Вам неинтересно?

ВЕРА. Они опять воют.

МАРИЯ (*прислушивается*). Вам показалось, деточка. Подайте мне, пожалуйста, ридикюль. Он около телевизора.

Вера подает Марии ветхую дамскую сумочку. Мария достает из нее веер, делает семенящие «китайские» движения плечами, «танцует» веером.

МАРИЯ. ...Костюмы мы сшили из мешков. Да, да, обыкновенных мешков! Постирали, отпарили, покрасили в зеленке – получился красивый, живой цвет. Я по памяти мелом сделала роспись китайского орнамента. Попросила заключенных собрать осколки зеркальцев. Многие ради этого разбили даже свои собственные. Осколки наклеили на мешковину. И вот восемь девочек – а каждой девочке под сорок, а то и под пятьдесят – крестьянки из Закарпатья, столичные дамы, бывшие, как я, эмигрантки – танцуют китайский танец! Взмах веера, легкий поворот – зеркальца сверкают, что твои бриллианты...

Китайский театр теней – тени барака с тенями поющих и танцующих женщин –исчезает.

МАРИЯ. ...Начальство было в восторге, о заключенных уже и не говорю. Даже местные прослышали, просили показать «китайцев» в их деревенском клубе. Меня за этот танец стали подкармливать, перевели на легкую работу – чертежницей в ОКБ... Это конструкторское бюро. Вот так я и выжила.

Вера выходит из-за стола, делает семенящие «китайские» движения.

ВЕРА. Ну как вам?

МАРИЯ. Очень похоже. К стыду своему, мы, эмигранты, не очень-то интересовались жизнью коренных шанхайцев. Редко кто из нас знал китайский. Помню, китайский продавец мне всегда говорил с улыбкой – «Хао, эгожень!» – здравствуй,

русская... «Твоя моя ходи...» (*Пауза.*)...Замечательный народ – предприимчивый, трудолюбивый... «Сколько я теперь ни проживу, “Во ай нинь!” Люблю тебя! – не скрою...»

ВЕРА. Я недавно японский фильм видела. «Куклы» называется. Действие происходит в тех же местах, где вы были в эмиграции.

МАРИЯ (*хлопает в ладоши*). Расскажите... Расскажите, пожалуйста!

ВЕРА. В первой части показывают шанхайский банк, всю эту товарно-денежную суету.

МАРИЯ. Я отлично помню этот банк и даже бронзовых львов у подъезда. Они были такие надменные, такие сердитые... Казалось, вот-вот бросятся на тебя... Ух, как я боялась их. Старалась побыстрее пройти мимо. Ну продолжайте, продолжайте!

ВЕРА. ...У президента банка есть дочь. На одной из корпоративных вечеринок она влюбляется в молодого человека, служащего банка. Но у того есть девушка. И вот дилемма: либо остаться с любимой, и тогда он потеряет работу, либо расстаться ради карьеры. Молодой человек выбирает второе. Не выдержав разлуки, его невеста принимает горсть снотворных и теряет память, а молодой человек от горя слепнет. Чтобы не потеряться, влюбленные обматывают друг друга красным шнуром... Ну вот как этот, на котором висит ваша лампочка. Кстати, почему он красный, обычно такие шнуры черные?

МАРИЯ. Это нужно спросить у нашего электрика. Вы мне лучше скажите, чем кончается фильм?

ВЕРА. Когда к девушке возвращается память, молодой человек просит у нее руки. Дочка президента банка так растрогана всей этой историей, что даже уговаривает отца оплатить свадебное путешествие новобрачных в Париж.

МАРИЯ. Ну, конечно, без Парижа нельзя. Теперь понятно, почему такое название – «Куклы». Нет, я бы не пошла на этот фильм.

ВЕРА. Но зрители на нем плакали.

МАРИЯ. Вы тоже?

ВЕРА (*после паузы*). Да.

МАРИЯ. Это хорошо. Плакать нужно. Хотя бы иногда (*Пауза.*) А я, знаете, когда заплакала первый раз в лагере... Когда услышала Марику Рёкк... У меня есть... Сейчас поставлю... (*Ставит пластинку, подпевает Марике Рёкк.*) «In der Nacht ist der Mensch nicht gern' alleine, Denn die Liebe im hellen Mondenscheine, Ist das schoenste, sie wissen was ich meine...» (*Выключает проигрыватель.*)

ВЕРА. «Девушка моей мечты». Любимый фильм мамы.

МАРИЯ. Еще бы! Я напевала ей эту песенку все ее детство.

ВЕРА. Но как вы в лагере могли узнать про Марику Рёкк?

МАРИЯ. Я работала вместе с немецкими инженерами из военнопленных. От них я и услышала эту песенку. Знаете перевод?

ВЕРА. Откуда, у меня же английский.

МАРИЯ (*переводит*). «Ночью, когда человеку особенно трудно быть одному, ему нужно хоть немного любви. И если сейчас появится кто-то и скажет мне: «Я тебя люблю», я забуду все свои принципы. Потому что человеку нужно хоть немного любви...»

ВЕРА. Зачем вы все-таки вернулись сюда? Разве вы не знали, что вас здесь ждет?

МАРИЯ. Что-то, конечно, мы слышали, но верить не хотели. Мы ведь ни в чем не провинились перед родиной. Тем более нас приглашал сам великий Сталин

(Шутливо.) «Довольно вам скитаться по чуждым городам, довольно унижаться, езжайте лучше к нам...»

Вы не представляете, что было с нами... Только что на головах не ходили... Возвращаемся! Из бесправных, никому ненужных эмигрантишек человеками будем! Че-ло-ве-ка-ми!.. Мы тут же, в консульстве, бросали в урну свои удостоверения «формеррашен». Бросали даже с каким-то упоением! И радовались, как дети, когда к каждому из нас подходил советский консул и жал руку... Вам, нынешним, не понять, как мы тосковали на чужбине. Как я мечтала увидеть свой дом, сад, услышать родную речь...

ВЕРА. И что, увидели свой садик?

МАРИЯ. Сад, к сожалению, был вырублен, и в нем паслись овцы. Особенно жалко было две яблоньки, их посадили родители в честь рождения моего и брата.

ВЕРА. Нет, я бы ни за что не вернулась. Я устала от нашего беспредела... Живешь, как в аду.

МАРИЯ. А мне, если бы предложили сейчас переселиться в рай, я бы не согласилась. Там, наверно, красиво, чисто, спокойно... Но ведь ужасно скучно. А я, деточка, привыкла жить весело. С народом. Потому, как вернулась из лагеря, сразу хор и завела.

ВЕРА (смотрит на часы). Осталось десять минут.

МАРИЯ. Ну значит, самое время вспомнить тех, кого с нами нет. Вашу бабушку... Моих папу, маму, тетушку, брата... Сашу... Это мой жених (Показывает на портрет.)

ВЕРА. Вы вместе с ним уехали из Шанхая?

МАРИЯ. Нет, он уехал раньше. Он был, что говорится, более красный, а я более – белая. Если бы я уехала вместе с ним, меня бы не посадили: он был очень ценный специалист для советской власти. Но у меня в то время была выгодная работа, я могла отправить в санаторий маму, учить брата...

ВЕРА. И вы с ним больше не встречались?

МАРИЯ. Нет, не встречались.

ВЕРА. И не пытались узнать?

МАРИЯ. Я тогда была максималисткой: или всё – или ничего. И потом... настоящая женщина всегда ждет инициативы от мужчины (Смеется.) А я, наверно, была настоящая женщина.

ВЕРА. Я понимаю... Любить больно.

МАРИЯ. А и вся жизнь, Верочка, через боль. Но к боли тоже привыкаешь. Ко всему привыкаешь (Поднимает бокал. Портретам.) За вас, дорогие мои. Царства вам небесного!

Выпивают.

МАРИЯ (берет чайник). Пойду подогрею (Уходит.)

Звонит мобильник

ВЕРА. Алло (Слушает.) Да, минут через тридцать (Слушает.) Нет, он не придет. Я такси вызову (Слушает.) Не спросила и не собираюсь (Слушает.) Тоже мне – нашла внучку! Я после смерти бабушки ни разу у нее не была (Слушает.) Ну и пусть пропадет. Какое отношение мы имеем к ее квартире? (Слушает.) По-моему, это мы

должны ей сделать доброе дело, а не она нам. (*Слушает.*) Ах, ты не видишь здесь ничего плохого. Зато я вижу! (*Выключает мобильник.*)

Возвращается Мария.

ВЕРА (*смотрит на часы*). Пора! (*Разливает вино. Марии.*) Почему вас все зовут «матушка Мария»?

МАРИЯ. Наверное, потому что мне девяносто.

ВЕРА. Ну вас и раньше звали «матушка»...

МАРИЯ. Не знаю. Наверное, людям так удобнее (*включает приемник*).

На заднике-экране видео хода главных часов России. Слышится бой кремлевских курантов.

ВЕРА (*встает, поднимает бокал*). «День седьмого ноября – красный день календаря...» Правда, теперь он не красный, а черный. Обычный рабочий день. И все равно он – красный. Потому что это ваш день, матушка Мария. За вас! И... простите меня.

МАРИЯ. Господь с вами, деточка. Я так счастлива. Вы мне подарили такой вечер...

Чокаются, выпивают. Звучит российский гимн.

ВЕРА. Приходить к вам, все равно, что в храм. К этому нужно готовиться. А я... То ли устаю, то ли ленюсь... Вот и прохожу мимо. Остановлюсь, посмотрю на окна, вспомню бабушку, ваш хор – и прохожу. Если бы не собаки, и сегодня прошла бы мимо.

МАРИЯ. И правильно сделали бы. Что за удовольствие со старухой сидеть. Молодые должны проводить время с молодыми.

ВЕРА. Я вам завтра обогреватель привезу.

МАРИЯ. Не надо, деточка. Я боюсь этой техники. Еще пожар устрою.

ВЕРА. Он на автомате, сам отключается.

МАРИЯ. Это хорошо, что отключается... (*Напевает.*) «Летят перелетные птицы, посланцы страны боевой... Летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой...» (*Пауза. Чувствуется, что у Марии перехватило горло.*)

ВЕРА (*подходит к Марии, обнимает*). «...А я остаюсь с тобою, родная моя...» Родная вы наша... Наша родная... Мы вместе... И не нужен нам берег турецкий... И Африка, и Париж... «Я волнуюсь, слышав французскую речь...» (*Смеется.*)

Сквозь российский гимн доносится агрессивный лай собак.

«Лампочка Ильича» гаснет. И тотчас лай смолкает. На заднике-экране на фоне видео звучит песня «Летят перелетные птицы» в исполнении Владимира Бунчикова. Затем на видео (под китайскую музыку) появляются картины матушки Марии: цветущая вишня, китайские малыши со счетами под мышкой, длинноногие птицы...

КОНЕЦ

2013 г.